Паламарчук Петр

СТИЛЬ ЖИЗНИ

ПУТЬ БЛУДНОГО СЫНА

Можно ли писать на темы Солженицына языком Набокова?

Независимая газета. – 1998. – 27 февр. – с. 16

Владимир Карпец

В РУССКОЙ словесности наиболее точно, спокойно и реалистично о смерти сказал Максимилиан Волошин: «Это просто переход из одной комнаты в другую». Примерно одинаков для всех и сам процесс этого перехода: является некое существо – Ангел смерти или просто Смерть, причем описания ее в сказках и легендах как скелета с косой абсолютно точно – и начинает разрезать тело по членам. Внешние этого, конечно, не видят, и им кажется, что перед ними лежит застывший покойник, начинающий свой путь преображения – гниения, путь «червя неусыпающего». Это тоже так, и это необходимо, но и у души, разлученной с «братом-телом», начинается собственная судьба – она проходит по своим НЕТ-ДА и, запечатанная образом собственной смерти, пребывает среди них в остановленном, вне времени ожидания чаемого нами Воскресения мертвых, когда, преображенная в стихиях, ей явится, подобно жениху-царевичу, ее собственная же плоть. Вопрос, может быть, вообще не в состоянии «после» перехода, а в том, чтобы не сорваться «перед ним» и «во время» (время, разумеется, условное) этого перехода, избегнуть коего могут только очень, очень немногие, те, о которых сам Победитель Смерти сказал, что они не узрят смерти вовеки.

Именно так – «НЕТ-ДА» – и называется предпоследний и, несомненно, лучший роман Петра Паламарчука, в котором под маской «запьянцовской подруги героя – Нины» (как аляповато мазанул в аннотации некий издательский лудила) странствует по земной юдоли и покидает эту *юдоль его собственная* душа. Между прочим, в нашем древнейшем, троянском, пеласго-этрусском языке Нина означает цвет Неба. «Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет...»

Умер раб Божий Петр накануне праздника Сретения Господня и Недели о блудном сыне, однако еще в седмицу о мытаре и фарисее, в субботу, в девять утра. Печать образа.

ПЕЧАТЬ ОБРАЗА

Петр Паламарчук с ранней юности расстался с комсомольскими да и с либеральными иллюзиями и стал православным христианином. Более того, он всегда был монархистом и неисповедимыми путями Промысла, а может быть, благодаря своей «хохлацкой» хитринке, умудряясь как-то сохраняться в одном из так называемых политических вузов Москвы, писал диплом (без ссылок на Лукича!) о международно-правовом режиме русской Арктики (не нашей ли древней Гиперборея?), основываясь на идеях адмирала Колчака и предваряя довольно занудную правовую материю словами о необходимости арктических исследований для *будущего* государства. Пойди он этим путем дальше, может быть, не было бы сейчас цены ему в Аналитическом управлении Генштаба, быть может, единственном нормальном, в принципе не «красном» и не «желтом» государственном учреждении... Но еще он был художником. Причем тогда, в юности, – художником подлинным, умудрявшимся в своих ранних повестях и рассказах «сочетавать несочетаваемое», как в праздник Ивана Купалы – Иоанна Крестителя сочетаются строгий пост и неистовое гулево. Отголоски этих повестей сохранялись в его прозе до сих пор, и поэтому особые ревнители из «Комитета по нравственному возрождению Отечества», хотя и признавали его своим, но поглядывали косо...

Дело здесь в очень простом. Историческое, «византийско-московское» Православие совершенно справедливо требует от христианина только двух образов, двух путей. Первый – «ангельский», монашеский, иноческий, *иной*. Путь не от мира, который только и есть, по определению святых Отцов, «истинное художество». И второй – жизнь в миру, путь многодетного, хозяйственного отца семейства, в поте лица и с молитвой добывающего хлеб насущный, при подчинении формально дисциплине типикона и принципиально смиренном отсутствии всякого суждения о путях иных. Путь, при котором «не до художеств». Поэтому, не отрицая, подобно графу Толстому, искусства вообще и снисходя к человеческим немощам, Церковь сегодня предпочитает в искусстве (и справедливо, если исходить из Ея основной цели – спасения от «мира, плоти и диавола») трогательную посредственность погружениям в бездну. Нилус и Шмелев для *последовательно* православного всегда предпочтительней Рембо и Цветаевой. Так сложилось, по крайней мере к XX веку, когда оказалось почти утрачено напрочь древнее художество «плетения словес», «прогласов», многосмысленных летописей-хроник, знаменного пения, «физиологов» и «хожений».

Однако путь художника изначально отличен от пути строго религиозного, и противоречий здесь никогда не замазать, не скрыть и не смешать ни телевизионным хамам, «опускающим» миллионы русских православных «автохтонов», но и не авторам благонамеренных брошюр о том, будто бы «Пушкин – наследник русской святости». Это приходится осознавать трезво и безо всяких эмоций. Путь истинного художника – это путь *аномии*, беззакония: «В сем христианнейшем из миров поэты – жиды» (Марина Цветаева). Простим женщине женское: у «жидов» закон еще более строг, чем у христиан, но, в общем, понятно, о чем говорит поэт. Художество не каноническое, не аскетическое – это всегда «левый» путь, путь блудного сына (во всех смыслах этого понятия). Это не мужественное шествие стройными рядами к общему Раю, но сугубо *личная* (и тщетная) попытка обрести Рай «здесь и сейчас» – в самостоятельном (следовательно, демиургическом) творении ангельской красоты или же «лилового срама», в безумии вакхическом, в платоновском пире, в грешной любви... Потому из художников часто произрастают «политические экстремисты» (на самом деле просто люди, идущие во всем до конца) – как левые, так и правые. И надо говорить ясно и твердо: *это не хорошо и не плохо, это так*. Куда ведет тот путь в конечном свете, нам знать не дано. Ясно одно – всякий подлинный художник пребывает «на стране далече», а тот, кто пытается идти по двум противоположным путям сразу, не приходит никуда.

Петра Паламарчука разорвало. Когда-то, в юности, он написал рассказ, который назвал «Краденый Бог», – о незадачливом хиппующем студенте, укравшем на севере древнюю икону. Рассказ этот не опубликован. Он сбивчив, написан полуритмической прозой, страшен. По-моему, это лучшее, что написал Паламарчук, даже лучше, чем «НЕТ-ДА». Где-то в середине 80-х Петр передал его для печати, убрав все шероховатости и слегка изменив фабулу. Получилось совсем другое. Сделал он это не «страха ради цензорска» – цензура начала уже отмирать, – а совершенно сознательно и искренне. Вообще Петр делал сознательно и искренне все и всегда. В конце 70-х и начале 80-х уже совершенно впадавший в маразм позднекоммунистический режим пытался истерично сорвать злобу не на будущих его же предателях из собственных рядов, давнехонько присматривавшихся к «чикагским мальчикам» и вообще к Чикаго (Чека-ого!), а на верующих, художниках и писателях, особенно на верующих. И именно тогда Петр Паламарчук на свой страх и риск подпольно стал фотографировать разрушенные и оскверненные храмы (из коих многие были по-идиотски засекречены), рискуя, по крайней мере, «волей». Все это вошло в отпечатанные сначала «за бугром», а ныне и здесь знаменитые «Сорок сороков». Петр был одним из немногих, очень немногих истинных знатоков Москвы. Я родился в Ленинграде и потому не люблю Москву, с ее лицемерием, ярмарками, доносами и питьем чая из блюдца. Но в конце концов это дело вкуса.

Петр был иным, и прогуливаясь с ним по замоскворецким переулкам с неизменной бутылочкой хересу в «потрфолио», я сам на время становился москвичом. Между прочим, Шмелева мы тогда по телефону назвали Тургеневым – по имени-отчеству. Ведь это только сейчас «москвоведение» и «москволюбие» стало официальной идеологией супрефектов и начальников РЭУ, погрязших в казнокрадстве, а в те времена любовь к поленовским дворикам вовсе не поощрялась в кипучей-могучей. Сесть было запросто. Были у Петра, между прочим, и вызовы в «контору» (искали «Сорок сороков», да и не только), и дикая, возможно, сломавшая всю его жизнь провокация-преступление, когда при доселе не расследованных обстоятельствах была убита женщина, с которой Петра связывала многолетняя, еще до школы, любовь... Судьба действительно шла за ним, «как сумасшедшая, с бритвою в руке». И вот тогда «спасительнее» всего оказалось «примкнуть». Ибо сверху донизу система уже разделилась внутри себя: стало ясно, что марксизм более не способен ее держать, хотя монолит еще казался нерушим, слуги ее, и в администрации, и в культуре, и даже в Церкви, разделились на «демократов» и «наших». Стать одним из двух означало попросту выжить. Каждый из нас так или иначе *стал*. И в этом наша общая историческая вина – мы оказались неспособны в подлинном смысле этого слова «выбрать свободу», *пойти по третьему пути*.

ОТКРЫЛАСЬ БЕЗДНА...

Может быть, говорить об этом неуместно, но я почему-то чувствую, что имею право говорить об этом, ибо сам прошел почти такой же путь. Налицо очевидно: по мере того как Петр Паламарчук все более смыкался – не с Православием, с которым «смыкаться» не надо, – а с «православной идеологией», он все хуже и хуже писал. Самоцензура делала свое – крепкое словцо не спасало сути, – исчезали глубины, возможно, впрочем, кто-то скажет, что «глубины сатанины», и будет прав. Но или ты художник – и идешь сквозь огонь, жертвуя обществом, семьей, даже, возможно, спасением, или ты христианин-инок-аскет, или мирянин-труженик. Не мудрствующий лукаво Петр хотел быть и христианином, и художником, писать, как он сам говорил, *«на темы Солженицына языком Набокова»*. Но этого не дано.

Как говорил наш общий с Петром знакомый, в те времена сотрудник издательства (разумеется, государственного), «или мухи, или пиво». И топтание на месте приводило к саморазрушению.

Следует без всякого стеснения (и это тоже свое!) говорить также и об этом – вино есть вещь очень серьезная, более серьезная, чем это кажется. Речь ни в коей степени не идет ни о каком трезвенничестве – сие таковая же глупость, как и безблагодатное воздержание от физической любви «ради воздержания». Вино полезно и для христианина-труженика, семьянина, более того, «его же и монаси приемлют». Но «путь вина», то есть отдание себя в его волю и власть, приносит плоды только в случае действительно «левого», аномического пути художника, пути «безумных мудрецов» и «проклятых поэтов» – Мусоргского, Рембо, Венедикта Ерофеева, Зверева. Имитируя «путь вина», не отправившись в подлинно свободное плавание – «за всех противу всех», – не заставишь «зеленого змия» (народное присловье, если понимать его не в моралистическом смысле, едва ли не точнейшее) принести плоды сада Гесперид...

Так прошло много лет – кропотливые, общественно полезные исследования о Москве – Третьем Риме и Новом Иерусалиме, несколько «романов без героя», участие в «кирилловской» ветви монархического движения, начало поддержки со стороны нынешней московской администрации – управдомов со свечками, подписывание каких-то бумаг за что-то и против чего-то, даже какая-то премия к 850-летию убиения Кучковичей...

И вдруг – почти гениальный, словно прорвавшийся из самых глубин существа, de profundis – «НЕТ-ДА».

Открылась бездна, звезд полна —
Звездам числа нет, бездне — дна...

Роман был не без усилий напечатан в умеренно-правом, консервативном (в совершенно нормальном смысле этого слова) журнале «Москва». Однако кое-кто, в том числе и в священнических облачениях, стал обвинять даже и сам журнал в «неразборчивости» вплоть до призывания неких прещений – из-за «обилия эротических сцен». Заметим: эротических сцен в романе *нет*. – ДА? – НЕТ.

Но Петр Паламарчук действительно вскорости ушел. Ушел тяжело, несколько лет болея, попадая в реанимацию. Ходили слухи, что врачи подменили ему диагноз. Не знаю, не следователь, но сегодня может быть все что угодно. Перед смертью он в забытьи говорил по-гречески, по-византийски, на языке Отцов, в земной жизни языком этим не владея. Он ушел слишком рано – в сорок три года. Слишком поздно – когда на него стала обращать внимание рыскающая в поисках новой идеологии администрация, особенно те, что вокруг «кепки». Вовремя – накануне великих потрясений.

Почему-то вспоминается один эпизод из Древнего Патерика. Некоего старца стали обличать во всех мыслимых и немыслимых грехах. «Да, я такой, и такой, и такой, и даже такой...» – смиренно опустив голову ответствовал старец. «Ты еретик, авва!» – раздался голос из толпы. «Нет, я не еретик!» – вскричал старец, гневно подняв глаза.

Петр Паламарчук уж точно был не еретик. Когда с ним случалось заговаривать о «четвертой ипостаси», или о герметизме, или о чем-то подобном, он однозначно отвечал «тьфу!».

Царствие ему небесное. Горнее Замоскворечье, Горняя Остоженка, Горняя Маросейка, Горняя Ордынка, Горний Иерусалим... ■

Петр Паламарчук родился 20 декабря 1955 года в семье военного. Рос на Арбате. В 78-м году окончил факультет международного права МГИМО; будучи студентом, много занимался в библиотеке Катковского лицея, сохранившейся в институте. Потом работал в Институте государства и права АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию, издал монографию «Ядерный экспорт»...

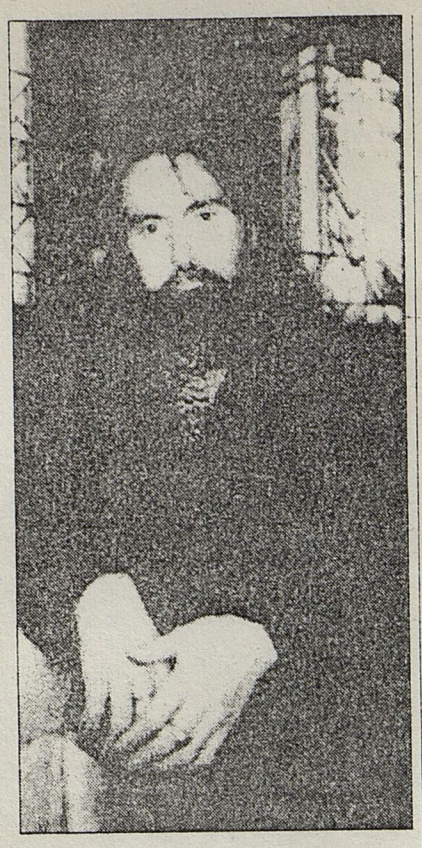
С 81-го года начал печататься на Западе под псевдонимами «В.Д. Носов», «Семен Звонарев» и т.п. («Выбор истории», 1983; «Ключ» к «Гоголю», 1985; «Краденый бог», 1986). На родине же готовил к публикации прозу Державина и Батюшкова, «Арабески» Гоголя...

Первая публикация в СССР под своим именем – биография «Един Державин» (1982). Вышли также две книги «Современных московских сказаний» и сборник рассказов «Чисто поле» (1989), «Казацкие могилы» (1990, совместно с Леонидом Бежиным), «Векопись» (1991), «Хроники Смутного времени» (1993). В силу близости к «патриотам» проза Паламарчука – игровая, переливающая красками, ироничная – всегда оставалась вне поля зрения критиков-«демократов», а критики-«патриоты» воспринимали ее слишком идеологизированно.

Петр Паламарчук – автор первого в России (и до сих пор, кажется, единственного) «Путеводителя по творчеству Александра Солженицына» (1989). Как он говорил, благодаря знакомству с книгами Солженицына в нем, беспечном студенте престижного вуза, стало появляться нечто человеческое. При содействии Солженицына в 95-м году в Париже выходит четырехтомник Паламарчука «Сорок сороков». Следуя разысканиям той книги, в Москве открывают сохранившиеся церкви...

В 97-м году вышла книга его прозы «Наследник российского престола или...», альбом «Крестный путь русской армии генерала Врангеля» и роман «Клоака Максима, она же Четвертый Рим» («Юность», 1997, №12), в котором веселое хулиганство артистично и причудливо переплетается с высоким трагизмом. Как сказано в предисловии: «Паламарчук – сочинитель до крайности парадоксальный: блюстители правоверия любят его благочестивые сказания, но не могут принять побасенки на грани скабрезности, почитатели острословия корят за отменную ортодоксальность»...

Он умер утром 14 февраля.



Петр Паламарчук.